Алексей Смоленцев

Александр Пушкин: «Инстинкт Истины». Православный вектор судьбы

Аннотация

В данной работе, автор, основываясь на критериях православного миросозерцания, сопоставляет факты биографии и «факты» творчества А.С. Пушкина, утверждает единство жизненного и творческого пути поэта. Определяет православный постулат «Свобода выбора», - обеспеченный Инстинктом Истины, присущим поэту по точному определению В.Г. Белинского, - как объективно действующий в реалиях биографии Пушкина, и позволяющий, не давать «судьбе победы над собою» (Белинский) в точке возможного перелома, которую автор статьи доказательно относит к 1825 году (Михайловский период).

Жизнь русского православного человека – есть вектор. Вспомним школьное: вектор задается началом и направлением, и конечной точкой не определяется. Иными словами вектор направлен в бесконечность. И наша жизнь изначально направлена к Богу и земной кончиной плоти не определяется, ибо душа бессмертна. Важно лишь предсмертное покаяние – Исповедь и Причастие Святых Тайн как точка, утверждающая направленность вектора.

Жизнь Александра Сергеевича Пушкина есть идеальный пример соответствия вектору православия, и пример утверждения действительности, истинности православного вероучения в той его части, которая касается свободы выбора, дарованной нам Господом.

Есть такое понятие, как факт биографии. Факт существует сам по себе, независимо от наших истолкований его, зачастую диаметрально противоположных. Но если факты биографии представить в виде точек на чистом листе, и если через эти точки выстраивается линия, достаточно прямая для того, чтобы говорить о ее направленности, то всякие пояснения становятся вторичными, несущественными. Отдельные факты, возможно толковать по-разному, вектор же (направленная линия) имеет лишь то направление, которое имеет. Следовательно наша задача состоит в том, чтобы обозначить точки (факты биографии) и соединить их. Что же касается свободы выбора, то, вероятно, во всяком векторе судьбы присутствует решающая, определяющая точка, Точка, после которой вектор мог и не состояться. Точка возможного перелома вектора.

Причем, сама возможность перелома обеспечена именно, дарованной нам, свободой выбора.

Для разрешения вопроса о православности Пушкина необходимо определить точку возможного перелома в судьбе Пушкина. Была ли такая точка, после которой предсмертное Покаяние и Причастие поэта нельзя рассматривать как случайность?

Точка возможного перелома, как правило, достаточно явственна в судьбе. В судьбе художника эта точка не отделима от творчества. Коснемся одного из значительнейших моментов в творческой судьбе Пушкина, обозначим его, а потом уже проанализируем, применимо ли к этому факту биографии наше определение.

В литературоведении, пожалуй, нет более фундаментального труда о творчестве Пушкина, чем работа В.Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина». Сам Белинский считал, что размышление его о творчестве Пушкина «должно быть лучшею моею критическою статьею». Для нас же исследование Белинского ценно еще и тем, что известно его резко негативное отношение к Церкви, и заподозрить Белинского в «притягивании» Пушкина к Православию невозможно.

Какую же точку считает Белинский особо значимой в творческом становлении Пушкина?

«Итак, в первый том и отчасти во второй «Сочинений Александра Пушкина» много вошло его лицейских стихотворений 1815 – 1817 годов и потом таких его стихотворений, которые писаны им вскоре по выходе из лицея и, которые вместе с «лицейскими, вошедшими в первый том издания, можно охарактеризовать именем переходных». В них виден уже Пушкин… но еще не самостоятельный, и – если можно так выразиться – обещающий Пушкина, но еще не Пушкин». Это цитата из Статьи четвертой, в Статье пятой Белинский опять возвращается к этому вопросу: «… мы заметили, что в первой части «Сочинений Александра Пушкина» пьес, написанных под влиянием прежней школы, больше чем во второй, а в третьей их уже нет вовсе.… Эта первая часть заключает в себе стихотворения, писанные от 1815 до 1824 года; они расположены по годам, и потому можно видеть, как с каждым годом Пушкин является менее учеником и подражателем… и более самобытным поэтом. Вторая часть заключает в себе пьесы, написанные от 1825 до 1829 года, и только в отделе стихотворений 1825 года заметно еще некоторое влияние старой школы, а в пьесах следующих затем годов оно уже исчезло совершенно. Читая по выбору только самобытные его стихотворения, не то что не веришь, а совершенно забываешь, что была на Руси поэзия до Пушкина: так оригинален, нов и свеж мир его поэзии! Тут нельзя сказать: то же, да не то! Напротив, тут невольно воскликнешь: не то, совершенно не то!» Следовательно, Белинский утверждает 1825 год, как год становления творческой зрелости Пушкина. Год, после которого перед нами не «обещающий Пушкина», но сам Пушкин – русский национальный гений.

Что же такое 1825 год в судьбе Пушкина? Не есть ли это искомая точка нашего исследования? Весь 1825 год Пушкин проводит в Михайловском. Очевидно, что значение для нас имеет не столько сам год, но Михайловский и Предмихайловский (Одесский) периоды жизни Александра Сергеевича.

В Михайловское поэт прибыл 9 августа 1824 года. Михайловское – ссылка (наказание), решающим поводом, к которой послужила перлюстрация на московской почте частного письма Пушкина (апрель – первая половина мая 1824 года).

Тема письма непосредственно связана с нашими исследованиями: «… читая Шекспира или Библию, Святый Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. – Ты хочешь знать, что я делаю, - пишу пестрые строки романтической поэмы – и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, *что не может быть существа разумного, Творца и правителя…*».

Интересно, что слова, выделенные нами курсивом, Пушкин пишет по-французски, тем самым, как бы дистанцируясь от этой мысли, подчеркивая (может и не осознанно), что идея эта чужда ему, столь же не родственна, как и язык; можно понять и так, – меняя, посреди фразы, язык с русского на французский, Пушкин выявляет органичность той мысли для западного миропонимания (европейский гуманизм например) и неестественность для русского. Вряд ли можно говорить о случайном, даже и в письмах Пушкина. Вспомним и то, что, по словам Белинского 1824 год, – это еще не «сам Пушкин».

Только человек верующий, православный, имеющий Бога частью своего жизненного состава, способен смиренно воспринимать удары судьбы, понимая их как Волю Божью. Пушкин же 1824 года, человек еще не поднявшийся до смирения и ссылка для него, несомненно, – потрясение. И, как следствие, - страдание: обида на власть (доступ к личной переписке) – незаслуженное наказание, острое чувство несправедливости, вершащейся над ним.

Однако, Бог открывается нам отнюдь не в радостях бытия, но в страданиях и скорбях. И, с этой точки зрения, ссылка в Михайловское мучительна для Пушкина-человека, но благотворна для Пушкина-творца. В какую атмосферу попадает поэт в Михайловском? Отношения с родными, пребывающими там же, натянутые, настороженность с их стороны, в конце октября – взрыв: ссора с отцом. Страдания усиливаются: непонимание власти, непонимание самых близких, родных. «Пребывание среди семьи только усугубило мои огорчения», - пишет он в первые месяцы своей ссылки.

Ни веру в Бога, ни творчество невозможно поверять обычной житейской логикой. И там, и там, чем хуже (с точки зрения обывателя), тем лучше (для верующего, или художника).

Одно такое «хуже» мы отметили – страдание, другое – уединение. После шумной Одессы Михайловское могло казаться пустыней. Но что может быть благоприятнее для поэта, чем тишина, и непросто тишина, но возможность пребывать наедине с природой. Пушкин позже напишет:

…Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется…
(…)
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,

На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы.

Смысл строк: ощутив прикосновение Божественного глагола, то есть, услышав Бога, поэт бежит от мира людей в мир природы. Зачем? Очевидно, чтобы лучше слышать голос Бога. Известно, что многие православные подвижники веры строили свои кельи в лесах, в уединении. Преподобный Серафим Саровский уходил молиться в лес. Путь в веру и в высшее творчество совпадают – то, и другое путь к Богу. Следовательно, «уединение Михайловского» для Пушкина не только общение с природой, но возможность общения с Богом, возможность постижения его через мир природы. И не только… Михайловское особо значимо в судьбе Пушкина тем, что здесь он «впервые вошел в живое непосредственное общение с Церковью через братию Святогорского монастыря и окрестное духовенство», - свидетельствует митрополит Анастасий (Грибановский). И страдание, и уединение, и духовное руководство – все направляло Пушкина к постижению Творца и Правителя.

Особая дата – 14 декабря 1825 года. Одна из сильнейших трагедий в судьбе Пушкина, одна из самых глубоких ран. Необходимо понимать, что родство Пушкина с декабристами носило скорее душевно-дружеский характер, чем духовно-идейный. Объективные исследования подтверждают это. Однако, когда друзей его постигло несчастье, как мог он оставаться в стороне? «Невольник чести», по точному определению Лермонтова, он рвался быть рядом с ними, но еще раз подчеркнем не по идейным соображениям, но именно из чувства долга чести. Пушкин хотел выехать в Петербург. Что остановило его? Сначала болезнь слуги, затем заяц, перебежавший дорогу, и наконец, священник, попавшийся на встречу. Не Господь ли остановил свое неразумное чадо? Приметы – возразят мне, - суть языческое восприятие мира. Но если в качестве такой приметы выступает встреча с православным священником.… Попади Пушкин тогда в Петербург, это было бы губительно. В Михайловском же страдания (и от невозможности быть рядом с друзьями) переплавлялись в творчество, «проявляли» Бога.

Бесстрастно фиксируя факты биографии Пушкина, невозможно не отметить воздействия на его судьбу определенной целенаправленной силы. Однако выбор пути оставался за поэтом. Его «прикосновения» к афеизму, к масонству (Кишинев, 1821 год), к «вольнолюбию», к бунту (декабристы) остались, лишь «прикосновениями».

Нельзя не отметить и средоточие перечисленных соблазнов на Предмихайловский и Михайловский период. Сам факт ссылки, из одного лишь чувства обиды, мог усилить и «вольнолюбие» поэта, и его афеизм. Вот она – точка возможного перелома, свобода выбора. Но спасительным и определяющим становится для Пушкина собственное творчество.

Кстати, о поэтическом уровне «вольнолюбия» Белинский высказывался следующим образом: «Зная кипучую, разгульную, исполненную тревог и бед его юность, думали видеть в нем дух гордый, неукротимый, титанический. Основываясь, на каком-нибудь десятке ходивших по рукам его стихотворений, исполненных громких и смелых, но тем не менее неосновательных и поверхностных фраз, думали видеть в нем поэтического трибуна. Нельзя было

более ошибиться во мнении о человеке! В тридцать лет Пушкин распростился с тревогами своей кипучей юности не только в стихах, но и на деле. Над «рукописными» своими стишками он потом сам смеялся».

И это пишет «критик-демократ» о стихах, на которых в советской школе базировалось изучение Пушкина! Удивительно? Да. Но вполне объяснимо. Белинский понимал, *Что* есть Пушкин для России, и прикасаясь к его творчеству не мог великий (без иронии) критик кривить душой, то есть истинным пониманием литературы, в угоду идейным соображениям. Последнюю мысль более чем подтверждает анализ Белинским одного из стихотворений Пушкина Михайловского периода «19 октября» (1825 года).

Белинский сравнивает некоторые мотивы стихотворения Пушкина со стихотворением Жуковского. У Жуковского «… не напущенное чувство; нет это вопль страшно потрясенной души… но, не смотря на то, это опять-таки более красноречие, чем поэзия…» Белинский высказывает претензии и к форме стиха. У Пушкина же:

«Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы! Наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему…»

«Какая глубокая и вместе с тем светлая скорбь! – Восклицает Белинский. – Каждая мысль сама по себе так исполнена поэзии.… Но не в духе Пушкина останавливаться на скорбном чувстве… оканчивается пьеса этими полными бодрого чувства стихами:

Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

Пушкин не дает судьбе победы над собою; он вырывает у ней хоть часть отнятой у него отрады. Как истинный художник, он владел этим инстинктом истины, этим тактом действительности, который на "здесь" указывал ему, как на источник и горя, и утешения, и заставлял искать целения в той же существенности, где постигла его болезнь. И, право, в этой силе, опирающейся на внутреннем богатстве своей натуры, более веры в Промысл и оправдания путей его, чем во всех заоблачных порываниях мечтательного романтизма» В.Г. Белинский).

Во-первых, обратим внимание на слова самого Пушкина: «склоняясь и хладея мы близимся к началу своему». Эти строки есть ни что инное, как четкое осознание православного вектора судьбы. Ведь, плоть – тело, старея (склоняясь и хладея) близиться никоим образом не к началу, но к концу, к смерти.

Следовательно, речь идет о душе. К какому же еще Началу (Аз есть Конец и Начало) кроме Бога может близиться душа? Иное толкование невозможно.

И Белинский, говоря о вере в Промысл (естественно Божий) и оправдании путей Его, по существу утверждает православное мировосприятие Пушкина, по крайне мере, Пушкина-художника, более того, творческое следование православному вероучению. И что чрезвычайно важно, Белинский утверждает, что именно вера в Промысл обеспечивает и творческий рост Пушкина от мечтательного романтизма к реализму, естественно. И это Михайловское, это 1825 год, где все более и более «сам Пушкин». И именно в творчестве, и творчеством Пушкин «не дает судьбе победы над собою».

Однако, судьба – Суд Божий? Не давать судьбе победы над собою – противиться Божьей Воле? Вот здесь и явлена нам свобода выбора, точка возможного перелома. Как решается вопрос победы над судьбою в Евангелии? Иисус Христос добровольно идет на Крест, исполняя Волю Отца – Судьбу. Но исполнение Воли не слепая покорность. Он Сам избирает Крест. Иисуса Христа распяли, Он – убит. Судьба победила? Но Он Воскрес – Он жив. Он не дает земной составляющей своей судьбы победы над Собою.

Для Пушкина Крест – это ссылка в Михайловское, но он воскресает в творчестве, в творчестве он не дает судьбе победы над собою. Он не бежит из Михайловского, что было бы бунтом не только против власти, но и против Суда Божия, судьбы, он – в Михайловском, то есть смиренно следует на Крест, но он не впадает в отчаянье, уныние (за исключением минутных настроений), что было бы грехом и смертию (духовной); нет, он «ищет целения в той же существенности, где постигла его болезнь», то есть в самом себе. И это тоже православный путь.

Нам дарована возможность сознательного выбора между Добром и Злом, между грехом и спасением. Ито, и другое в нас, мы сами делаем выбор, либо, следуя Промыслу, не даем земной составляющей своей судьбы победы над собою, либо отдаляемся от Бога, впадая в грех отчаяния, сдаваясь судьбе. Победа над судьбой не есть внешнее преодоление ее, а напротив – смирение, покорность ей, при внутренней устремленности к Богу с благодарностью за все ниспосланное. Следование именно этому пути и отмечает у Пушкина Белинский.

Белинский пишет и о том, что вера в Промысл и оправдание путей его в творчестве Пушкина обеспечены Инстинктом Истины, свойственным истинному художнику. Это важнейшее замечание. Верующий человек понимает существование над собой Творца и исполняет Волю Его, в силу своей веры. Человек, лишенный дара веры, как может осознать существование Бога? Только интуитивно, инстинктивно. То есть внутренним своим существом, умением слышать подспудные движения своей души. Об этом и говорит Белинский: «Инстинкт Истины».

«Иисус сказал ему: Я есмь Путь и Истина и Жизнь…» (Евангелие от Иоанна 14:6)

Инстинкт Истины – это ***природное*** чувствование Бога.

Свидетельство Белинского значимо еще и тем, что он говорит больше, чем о Пушкине, он говорит о всяком истинном художнике. Тем самым, утверждая, что всякий подлинный художник, даже не обладая даром веры, не веря в Бога, не может инстинктивно (природно) не ведать о Его существовании.

Есть общеизвестная фраза: «В окопах атеистов не бывает». В настоящем искусстве тоже нет атеистов.

Пушкин в Михайловском – это Пушкин, периода обретения веры, еще не верующий, невоцерковленный человек, но сумевший, как истинный художник, а, может, потому и ставший истинным художником, что сумел, двигаться по путям предложенным ему Богом, Бога осознавать, духовно следовать за Ним, будучи пока еще не готовым к «физическому» следованию, то есть исполнения своей жизнью православного вероучения.

Истинное творчество и истинная вера совпадают в духовной своей основе – и то, и другое путь к Богу. Но человек верующий и внешней своей жизнью движется к спасению, а творческий человек в основном живет внешне погибельной жизнью, что, несомненно, отражается и на его внутреннем состоянии, отдаляя его от Бога. Однако благодаря раскаянию, в мгновения творчества он вновь становится способен слышать «Божественный глагол», как и человек благочестивый. Художнику дан дар высказать услышанное. В этом его и подвиг, но и искушение. И чем выше подвиг, тем более искушение.

На примере судеб многих русских писателей мы можем видеть, как Бог заботился о своих чадах. Судьба Пушкина – ярчайший тому пример.

Можно ли определить смысл Михайловского? Зачем, для чего была эта ссылка в судьбе поэта? Ответ прост. Михайловское закончилось вызовом в Москву по распоряжению Государя: «Пушкину прибыть прямо ко мне». Конец опалы. После разговора с Пушкиным Николай Первый замечает: «Я беседовал с одним из умнейших людей в России». Но чем закончилось Михайловское в творчестве? – Стихотворение «Пророк»! Нет необходимости цитировать хрестоматийные строки, они у каждого в памяти. И это последнее стихотворение ссылки. Господь просто вел поэта к пониманию существа творчества. Затем и были и страдание, и уединение, чтобы услышать:

«Восстань пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей…»

Каково постижение! Но и цена была не малая…

Период формирования, становления завершен, осознанна БогоВдохновенность творчества. «Пророк» – есть выход из точки возможного перелома, определение вектора. До «Пророка» возможны были колебания - «вольнолюбие», «вольнодумие» (богоборчество), после «Пророка» - написать, что-либо подобное значило перестать быть художником. И именно о сформировавшемся Пушкине, о Пушкине после «Пророка», после Михайловского говорит Белинский: «забываешь, что была на Руси поэзия и до Пушкина».

И возможно ли спорить с тем, что творческий рост Пушкина – от романтизма к реализму – был обеспечен именно духовным ростом. Творческим путем от стихотворения «Безверие» (1817) к «Пророку» (1826). Достигнув уровня великого поэта – в Михайловском созданы центральные главы «Евгения Онегина», «Борис Годунов», - Пушкин, однако еще не был готов следовать православному учению, но он понял главное Волю Бога над собой и своим творчеством.

«После Михайловского не написал он ни одной богохульственной строчки, которые раньше, на потеху минутных друзей минутной юности, так легко слетели с его пера. Не случайно его календарь в Михайловском открывается с «Подражания Корану» и замыкается «Пророком». В письмах из деревни Пушкин несколько раз говорит про Библию и Четьи Минеи. Он внимательно их читает, делает выписки, многим восхищается как писатель. Это не простой интерес книжника, а более глубокие запросы и чувства. Пушкин пристально вглядывается в святых, старается понять источник их силы. С годами этот интерес ширится» (А.В. Тыркова-Вильямс, «Жизнь Пушкина»).

Таковы факты, позволяющие обозначить Михайловский период жизни Пушкина как точку возможного перелома в его судьбе. Думается, нам удалось показать, что благополучно миновать эту точку Пушкину позволил Инстинкт Истины, присущий его творческому гению.

(г. Вятка, осень 1998 года)

Работа опубликована:

Смоленцев А.И. «Александр Пушкин. Инстинкт истины. Православный вектор судьбы» // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Муниципальная библиотека на пороге нового века». Киров, 2000 // С.70-74.

Об авторе

Смоленцев Алексей Иванович, родился 26 марта 1961г. (Воскресенье Пятой Недели Великого Поста), в г.Йошкар-Ола Марийской АССР. Живет в Краснодаре, член Союза писателей России (1997), кандидат филологических наук (2012).